

13. *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) Ф. 8. Оп. 1. Д. 31. Л. 40, 45, 135, 158.
14. *ЦДНИК* Ф. 8. Оп. 1. Д. 374. Л. 15.
15. *Центр* документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 555–557.
16. *ЦДНИРО* Ф. 7. Оп. 1. Д. 195. Л. 210А–219; Д. 595. Л. 42, 43, 95.
17. *ЦДНИРО* Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 37; Д. 595. Л. 555–557.
18. *Центр* документации новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИСК) Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 120–124.

КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 1922–1923 гг.:
БОРЬБА С ГОЛОДОМ И ЦЕРКОВЬЮ
(по материалам архивов Астраханской области)

Р.В. Сколота
(Россия, г. Астрахань)

Статья посвящена государственно-церковным отношениям в Астраханской губернии в 1922–1923 гг. в период проведения Кампании по изъятию церковных ценностей. В основе исследования лежат новейшие документы архивов Астраханской области. Автор доказывает, что государственные власти использовали изъятие ценностей из церквей и монастырей не столько для борьбы с голодом сколько для подавления самой Церкви. При этом анализируются методы, используемые местной властью для успешного проведения Кампании (агитация, переговоры, давление). Также автор обращает внимание и на роль общества в этом процессе.

Ключевые слова: Государство, Церковь, Астрахань, изъятие ценностей, общество, голод, агитация.

The article is devoted to state-church relations in the Astrakhan region in 1922–1923's during the campaign to seize church property. In the latest study is based on documents from the archives of the Astrakhan region. The author argues that public authorities have used the removal of valuables from the churches and monasteries not for hunger but for the suppression of the Church itself. In this analysis of the methods used by local authorities for the success of the Campaign (agitation, negotiations, pressure). The author also draws attention to the role of society in this process.

Key words: State, Church, Astrakhan, the removal of property, society, hunger, agitation.

Поводом к началу Кампании по изъятию церковных ценностей стал голод в поволжских губерниях, начавшийся летом 1921 г. Повсеместная организация Комитетов помощи голодающим [6, л. 18], Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи [6, л. 57] не давала ощутимых результатов. На деле организация подобных комитетов стала попыткой местных властей решить проблемы крестьян за счет них самих. Причем сельские жители, как свидетельствуют отчеты с мест, относились к этим комитетам с большим недоверием, что само по себе тормозило их деятельность [8, л. 5]. В Астраханской губернии дело обстояло таким образом, что из всех нуждающихся государство могло прокормить только 15 % [14, с. 4].

С ноября 1921 г. в местной прессе развернулась агитационная кампания против голода. В каждом новом номере помещаются статистические сводки о количестве голодающих по России, звучат призывы о помощи нуждающимся. В газетах начинают появляться первые сообщения о жертвованиях горожан, жителей уездов [28, с. 6]. При этом данные о помощи голодающим со стороны православных приходов нарочито замалчиваются. Впервые о желании и возможности православных религиозных обществ помочь голодающим в астраханской прессе сообщается только в январе 1922 г. [10, с. 4].

В начале марта 1922 г. агитационная кампания против голода постепенно меняет свой курс. В газетах появляются статьи как бы напоминающие населению о хранящихся в православных церквях богатствах, которые могут быть использованы для помощи бедствующим [11, с. 3]. Но уже 12 марта под заголовком «Святая простота» в газете «Коммунист» выходит статья о сокрытии приходским советом Успенского собора денег собранных для голодающих [31, с. 3]. В той же газете, от 17 марта (№ 61),

под заголовком «Церковь и голодающие» публикуется анонимное письмо священника, в котором со ссылками на Священное Писание звучит призыв к жертвованию церковной утвари и сосудов [32, с. 4]. Таким образом, непосредственно перед началом Кампании по изъятию ценностей была проведена работа по подготовке общественного мнения к предстоящей экспроприации. Эта работа продолжалась и во время изъятия. В газетах помещались отрывки из воззваний обновленческого духовенства, которое призывало верующих не чинить никаких препятствий властям [9, с. 5]. Сообщалось о том, что рабочие и крестьяне других губерний уже поддержали кампанию, в связи с чем звучали призывы к астраханскому крестьянству сделать то же самое [29, с. 6]. Подобный метод использовался прессой очень часто – печатались материалы и статистика из других губерний (зачастую ложные), информация же о проведении конфискаций в Астраханской губернии намеренно замалчивалась.

Первые мероприятия по изъятию ценного имущества из монастырей и церквей были начаты в Астрахани в конце марта 1922 г. До этого велась активная подготовительная работа. 16 марта была создана комиссия по изъятию церковных ценностей в составе представителей Губкомпомгола, Губфинотдела, Губотдела управления юстиции, под председательством заведующего отделом юстиции П. Ларионова [3, л. 97]. 21 марта Комиссия провела первое заседание в Финотделе Губисполкома с участием представителей всех религиозных общин. На заседании присутствовали председатель Союза церковно-приходских православных общин Мариинский, временно управляющий Астраханской епархией епископ Енотаевский Анатолий (Соколов) [13, с. 3]. Такая неспешность в проведении местной кампании говорит о стремлении властей исключить возможность возникновения резкой реакции верующих на конфискацию ценностей.

Для безболезненного проведения кампании было важно заручиться поддержкой церковных авторитетов, которые и были приглашены на заседание. Епископу Анатолию принадлежала высшая власть в епархии, но в то же время он являлся лишь временно управляющим и его указания, как видно из документов, носили в основном рекомендательный характер. Реальная же совещательная и исполнительная власть принадлежала так называемому Союзу церковно-приходских православных общин. Этот орган представлял собой демократический коллегиальный аппарат управления православными приходами в Астрахани. Ведущая роль в нем отводилась делегатам от всех приходов города. В архивных делах сохранились документы, указывающие на исключительную роль Союза общин во взаимоотношениях со светской властью [2, л. 33 об, 39]. Комиссии по изъятию было необходимо заручиться поддержкой руководства Союза, это давало возможность беспрепятственно и эффективно провести конфискацию.

На заседании председатель Комиссии П. Ларионов ознакомил собравшихся с телеграммой ВЦИК, которая содержала разъяснения по поводу постановления от 16 февраля 1922 г., и одновременно призвал все религиозные общества к добровольной сдаче всех церковных ценностей. Епископ Анатолий выразил беспокойство по поводу возможного изъятия церковной утвари, предназначенной к употреблению лишь в богослужебных целях. Он сослался на воззвание Патриарха Тихона от 19 февраля 1922 г. В данном воззвании Патриарх особо разграничивал то, что Церковь может отдать, и то, что она отдать не имеет права [7, л. 72–73].

Официально Кампания по изъятию церковных ценностей в Астрахани началась 25 марта 1922 г. В этот день в губернской прессе появилось воззвание Губкомиссии по изъятию, озаглавленное призывом «Все на борьбу с голодом» [1, с. 2]. Это воззвание было еще одной попыткой предотвратить волнения верующих, которые могли возникнуть на почве конфискации. В нем кампания по изъятию ценностей была представлена лишь как попытка советской власти упорядочить уже повсеместно начавшуюся добровольную сдачу церковной утвари. Газета «Коммунист» писала: «...И в среде верующих началось движение, чтобы передать в пользу голодающих излишние в церкви ценности. Явилась потребность оформить желание верующих, придать ему известный порядок, дабы не допустить присосаться к нему негодяев. И, идя навстречу желаниям верующих, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановил, какие вещи подлежат изъятию, а какие нет. Этим

постановлением, которым советская власть идет навстречу желаниям населения и верующих, ВЦИК хотел ввести известный порядок в стихийное движение, которое уже началось...» [1, с. 2]. Усилиями губернской прессы проходящая в регионе кампания была представлена как процесс, начавшийся снизу, по желанию верующих, а правительство якобы брало на себя роль наблюдателя за целостностью и сохранностью пожертвованного.

Через день в свет вышло воззвание епископа Анатолия, которое существенно отличалось от изданного Комиссией по изъятию. В тексте звучал призыв к верующим прийти на помощь к своим братьям, умирающим от голода крестьянам и рабочим, помочь своими посильными жертвованиями. Епископ обращался также к пастырям астраханских церквей, призывая их явить в лице своем пример христианского человеколюбия. Но, вместе с тем, в заключение подчеркивалось: «Я не допускаю, чтобы среди церковных советов нашлись такие церковные деятели, которые под влиянием духа времени устроили бы из церковных ценностей то, с чем не может помириться совесть верующего человека и его религиозное чувство. Во избежание сего, считаю священным долгом своим предостеречь церковные советы, чтобы они не делали уступок, на их взгляд якобы не существенных, чем не обеспрямили бы люди нашей церкви Божией, не причинили ей болезней и страданий, не нанесли ущерба уставности в отправлении Церковных богослужений» [7, л. 73]. Здесь епископ Анатолий расплывчато, но все же указывает на то, что некоторые святые, не могут быть жертвованы в силу канонических устоев.

Вероятнее всего на содержание возвания епископа Анатолия повлияли полученные им из Москвы оба возвания патриарха Тихона, написанные 19 и 28 февраля 1922 г. Если о первом возвании патриарха было хорошо известно из советской прессы, то второе возвание, явившееся резким ответом на постановление ВЦИК от 16 февраля, представители власти старались не допустить широкой огласке. Получив второе возвание Патриарха, епископ Анатолий поставил на нем свою резолюцию: «Направить в союз религиозных общин для сведения и должного в потребных случаях исполнения». Союз религиозных общин принял резолюцию епископа и стал рассылать копии возвания патриарха по приходам. Этим церковные власти пытались поддержать верующих, а также проинформировать их о позиции патриарха по вопросу того какие ценности жертвовать можно, а какие нет [18, с. 4].

После выхода послания епископа Анатолия началось активное обсуждение действий власти во внутрицерковных кругах. В церкви бывшего Благовещенского монастыря с благословения епископа Анатолия состоялось собрание всех настоятелей, председателей церковных советов, казначейств, представителей Союза общин. Епископ Анатолий зачитал телеграмму ВЦИК по поводу изъятия церковных ценностей и выдержки из местной прессы о голодающих. После епископа выступал профессор Астраханского госуниверситета А.А. Дмитриевский, специалист по церковной археологии и одновременно работник Успенского собора. В своей речи профессор говорил о необходимости разграничения церковных ценностей на предметы культа и на предметы, представляющие археологическую ценность, которые должны быть направлены в археологический музей, чтобы спасти их от уничтожения [20, с. 4].

Бурная дискуссия по поводу сдачи церковных ценностей прошла и в Успенском кафедральном соборе Астраханского кремля. Обсуждался вопрос: какие ценности может отдать Успенский собор в пользу голодающих? При этом предлагались различные варианты. Например, участник собрания Ольхин предложил сдать хранившуюся в соборной ризнице большую серебряную водосвятную чашу, на что последовал протест профессора А. А. Дмитриевского, заявившего, что чаша датируется XVIII в. и принадлежала в свое время Астраханскому епископу Мефодию, почитавшемуся астраханцами за большого праведника [25, с. 5]. Результатом собрания стало решение организовать в соборе «тарелочный сбор» пожертвований, и во время воскресных и праздничных служб собирать средства в пользу голодающих [20, с. 4].

Сам факт проведения собраний и дискуссий с участием совершенно разных лиц, говорит о том, что в сложившейся ситуации для церковной жизни Астраханской гу-

бернии было характерно всенародное решение церковных вопросов. Православные священнослужители и общественность предприняли попытку самостоятельно организовать сдачу некоторых ценных предметов церковного обихода. В сознании верующих, видимо, еще сохранялись отголоски призывов патриарха о добровольной помощи и сборе средств для голодающих. Но власти были настроены на другое развитие событий.

Губернская Комиссия по изъятию объявила «о неделе изъятия церковных ценностей», которая началась 25 марта 1922 г. Предварительно была проведена агитационная работа. Опасаясь выражения недовольства со стороны верующих и того, что «притаившаяся контрреволюция, несомненно, постарается раздуть религиозный фанатизм в своих интересах», Губкомиссия через местную газету «Коммунист», обращаясь к «темным верующим людям», заявляла, что «неделя церковных ценностей – не глумление и не гонение на церковь со стороны большевиков» [13, с. 3]. Объявлено было, что в Астрахани прием ценностей будет происходить по средам, четвергам и пятницам в здании бывшего Государственного банка. Факт приема ценностей указывает на то, что в Астрахани в рамках «недели изъятия церковных ценностей» власти не проводили конфискации утвари из храмов, а принимали ее от церковных советов, сдававших ее по своему усмотрению, в том объеме, который был установлен на приходских заседаниях. Было ли это добровольное решение Комиссии, ее попыткой пойти навстречу Церкви или конкретным двухсторонним государственно-церковным договором по имеющимся в нашем распоряжении документам определить точно не представляется возможным. Нельзя исключить и то, что в своих действиях Комиссия по изъятию имела определенную свободу или не располагала к этому времени точными директивами из центра относительно своих полномочий.

К 21 мая комиссией под руководством П. Ларионова были посчитаны ценности, поступившие в течение «недели изъятия». За это время из 21 городского храма было собрано 26 пудов 30 фунтов 16 золотников и 19 долей церковных ценностей [3, л. 97] (436 кг 167 г). Среди конфискованной утвари не было предметов, имеющих богослужебное значение. В основном это были серебряные вещи, золота было очень мало [15, с. 3].

Работа Комиссии была признана Губисполкомом весьма слабой, вследствие чего был назначен новый председатель комиссии – бывший прокурор Сапрыкин, которому поручалось произвести дополнительное изъятие церковных ценностей [3, л. 97]. Это дополнительное изъятие было объявлено заданием, которое комиссия должна была провести в кратчайшие сроки. Повторный нажим Губисполкома на комиссию, а через нее на приходы, стал, по всей вероятности, последствием реакции центральных органов власти на общий ход кампании. Примечателен и тот факт, что новым главой комиссии по изъятию стал человек имеющий опыт работы в так называемых «карательных» органах.

Всем церковным советам в приказном порядке было указано предоставить в комиссию описи всех имеющихся у них церковных ценностей, не исключая богослужебную утварь. Изъятие происходило следующим образом: комиссия уведомляла церковные советы секретными повестками о времени прибытия своих представителей, которые производили изъятие в присутствии церковного совета. Как заявляли в дальнейшем члены комиссии, ни в одном храме они не встретили сочувствия среди духовенства и церковных советов, но и открытого сопротивления изъятию нигде не встречалось [25, с. 2]. Только в двух храмах – Введенском и Покровском, члены комиссии встретили открытое недоброжелательство со стороны прихожан [3, л. 98].

До 10 июля 1922 г. вторая Губкомиссия при дополнительной конфискации из всех церквей города Астрахани и Форпоста изъяла еще 130 пудов, 29 фунтов, 93 золотника и 95 долей (2131 кг 341 г), с множеством драгоценных камней (бриллиантов, алмазов, изумрудов, сапфиров, рубинов, топазов, жемчуга и пр.). Основная часть всех ценностей была изъята из Соборной ризницы, из которой поступило 105 пудов (около 171 кг 550 г). Все изъятые церковные ценности направлялись Губкомиссией в кладовую Губфинотдела, а оттуда в центр – Гохран (Государственное хранилище в Москве), двумя специально организованными экспедициями при охране курсантов [3, л. 98].

Но и после 10 июля Губкомиссия по изъятию церковных ценностей не завершила свою работу, так как церковным советам инкриминировалось сокрытие церковного имущества, что объяснялось отсутствием во многих храмах описей, составленных до 1918 г. Именно по этим описям представители Комиссии проверяли наличие храмового имущества. В описях, представленных церковными советами, находились различные несоответствия, которые объявлялись как намеренное сокрытие церковных ценностей и влекли за собой расследования и суды над виновными. Так, согласно циркуляру № 25/с и дополнения к нему, опубликованного в № 105 «Известий ВЦИК», по Астрахани было возбуждено 16 уголовных дел по обвинению церковных служащих и церковных советов в сокрытии и хищении ценностей, утвари, а также сокрытии описей церковного имущества, составленных до 1918 г. [4, л. 1–16]. К уголовной ответственности за так называемое сокрытие описей были привлечены служащие и церковные советы 15 церквей и 1 монастыря. Все уголовные дела 20 сентября 1922 г. были направлены в Особую сессию Губсовнарсуда [4, л. 1–16].

Особое внимание местных властей было обращено на дело «о сокрытии церковных ценностей» в Успенском кафедральном соборе. Здесь обнаружили значительные злоупотребления, недостача ценностей и их сокрытие. Была организована специальная комиссия из 15 человек по проверке наличия церковных ценностей Успенского собора [25, с. 2]. Ею было обнаружено отсутствие многих предметов, не внесенных в описи, но по документам находившихся в ведении собора. Эта богослужбная утварь поступила из других упраздненных церквей после 1918 г. и поэтому никак не могла попасть в опись этого года. Также было обнаружено отсутствие нескольких бриллиантов в найденных епископских облачениях; часть церковных ценностей была найдена под шкафом; под алтарем были найдены слитки серебра; несколько драгоценных камней в одной из икон совсем исчезли [24, с. 3].

После организации в Астрахани Губкомиссии по изъятию церковных ценностей подобные комиссии были организованы в уездах. В сельской местности сопротивление изъятию практически не было. В большинстве случаев церковные советы сельских храмов сами отдавали все имеющиеся у них в наличии церковные ценности. В двух селах, в станице Сероглазинской и Сокрутовке, Енотаевская уездная комиссия нашла факты сокрытия. Эти дела были переданы в Ревтрибунал. В станице Сероглазинской священник местной церкви Ф. Пискунов поддержал настроение местного населения собрать старый серебряный лом из домашних вещей и отдать вместо церковных ценностей, за что и был арестован [6, л. 24]. Как известно, из центра на места рассылались директивы о запрещении замены церковных ценностей продуктами и домашней утварью из ценных металлов.

Местные советские власти решили устроить показательный процесс над «церковниками». В разбирательство по данному процессу были включены сразу несколько дел: дело епископа Анатолия (Соколова), обвинявшегося в распространении второго воззвания Патриарха Тихона, дело притча и церковного совета Успенского собора и дела причтов и церковных советов села Сокрутовки и станицы Сероглазинской. Всего на скамье подсудимых оказалось 15 человек [22, с. 4].

Процесс, разбираемый Особой комиссией губернского революционного трибунала и проходивший в Большом зале труда, длился двенадцать дней, с 15 по 27 ноября 1922 г. [19, с. 3–4].

По своей сути этот процесс носил политический и агитационный характер. Заседания суда были публичными и подробно освещались прессой. Процесс проводился не столько над подсудимыми, сколько над самой религией с обвинением Церкви в контрреволюционной деятельности, враждебности к власти рабочих и крестьян. Вопросы, задаваемые обвинителями, к делу практически не относились. Они были направлены на выяснение солидарности обвиняемых с патриархом и их политических взглядов [21, с. 4].

Для внешнего подогрева суда использовался уже проверенный способ «общественного осуждения». Все время процесса в газете «Коммунист» появлялись одна за другой заметки об общих собраниях рабочих на различных астраханских предпри-

ятиях, выносивших подобные постановления: «Верим в свой ревтрибунал, который привлекает к суровой ответственности тех «отцов духовных» и их приспешников, которые на словах проповедуют любовь к ближнему, а на деле оставляют на произвол голодающих, скрывая церковные ценности» [22, с. 2].

С целью показать, что процесс в Астрахани не является единичным случаем в стране, и тем самым заручиться поддержкой народа, в номерах газет, где помещалась хроника астраханского судебного процесса, постоянно печатались материалы о судах над священниками в других губерниях [16, с. 3].

При этом ситуация в городе не совсем соответствовала той, которая была выгодна властям. Уже с первых дней процесса у Иоано-Предтеченского монастыря, где находилась резиденция епископа Анатолия (Соколова), собиралась тысячная толпа людей, которая встречала выходившего из монастыря и направлявшегося на очередное судебное заседание архиерея и сопровождала его до самого здания суда [30, с. 271, 409].

Обвинители понимали, что епископ Анатолий и остальные подсудимые пользуются авторитетом и поддержкой большей части городского населения. В этой связи наряду с открытыми нападениями на церковь на судебном процессе ярко прослеживается и другая линия обвинения – попытки доказать с точки зрения церковных правил и канонов, что священнослужители обманывают свою паству, говоря, что церковь не имеет права отдавать свои святыни [22, с. 2]. Подобная дискуссия, по замыслу обвинения, должна была подорвать авторитет епископа Анатолия и других священнослужителей.

Организация и методы ведения процесса указывают, что властям не были нужны суровые приговоры, тем более, что с точки зрения законодательства их и не могло быть. Почти во всех делах состав преступления отсутствовал. Смысл и суть прошедшего суда точнее всего определили начальные слова заключительной речи обвинителя Фокина: «Граждане судьи! Я, как представитель советской власти, выступаю от того многомиллионного Поволжья, которое еще не так давно переживало величайшие муки кошмарного голода, я выступаю от имени тех, кто, умирая и корчась в предсмертных муках, завещал нам отомстить виновникам их преждевременной гибели!» [26, с. 4].

Суду не удалось построить связанного обвинения. Всем подсудимым был вынесен приговор – один год условного заключения [27, с. 2]. По сути это стало признанием властями не столько их вины сколько их невиновности, а также несостоятельности всего судебного процесса.

По окончании суда работа Губернской комиссии по изъятию церковных ценностей уже не носила практический характер, а была связана с продолжавшимися разборами церковных дел «по сокрытию описей церковного имущества». Разбирательство затянулось почти на весь 1923 г. Только 21 ноября 1923 г. по решению Губисполкома Комиссия была распущена. 5 декабря 1923 г. все ее дела были сданы в ЗАГС [3, л. 98].

Несмотря на вполне мирное начало, Кампания по изъятию ценностей из астраханских храмов и монастырей приобрела характер жесткого государственно-церковного противостояния. Работа второй Комиссии по изъятию летом 1922 г. показала, что власть не хотела идти на компромиссы с Церковью. Ей была нужна полная конфискация ценного церковного имущества. В свою очередь, судя по итогам работы первой Комиссии, приходские общины, объединенные в Союз, не хотели уступать советской власти важнейшие ценности и реликвии. На это, по всей видимости, повлияли послания патриарха, разосланные по всем приходам, а также недоверие к власти, которое возникало на основе усиливающихся слухов о том, что церковные ценности не имеют к помощи голодающим никакого отношения. Эти слухи косвенно подтверждались региональной прессой, в которой наряду с отчетами о конфискациях и пожертвованиях в пользу голодающих периодически публиковались статьи об отсутствии продовольствия в голодающих районах Поволжья [12, с. 2; 17, с. 2].

Список литературы

1. *Все* на борьбу с голодом // Коммунист. – № 67. – 1922.
2. *ГААО*, ф. 1, оп. 1, д. 26 // Протоколы заседаний комиссии об отделении церкви от государства. – 1920.

3. *ГААО*, ф. 1, оп. 1, д. 408 // Документы Астраханского Губернского исполнительного комитета.
4. *ГААО*, ф. 334, оп. 1, д. 421.
5. *ГААО*, ф. 477, оп. 1, д. 223 // Документы Енотаевской уездной комиссии помощи голодающим.
6. *ГААО*, ф. 477, оп. 1, д. 360 // Отчеты Енотаевской уездной комиссии помощи голодающим.
7. *ГААО*, ф. 2102, оп. 1, д. 109.
8. *ГААО*, ф. Р-477, оп. 1а, д. 2 // Сведения о политическом состоянии каждой волости Енотаевского уезда (секретно).
9. *Духовенство* порицает // *Коммунист.* – № 73. – 1922.
10. *Коммунист.* – 1921. – № 252.
11. *Коммунист.* – 1922. – № 8.
12. *Коммунист.* – 1922. – № 52.
13. *Коммунист.* – 1922. – № 58.
14. *Коммунист.* – 1922. – № 67.
15. *Коммунист.* – 1922. – № 77.
16. *Коммунист.* – 1922. – № 100.
17. *Коммунист.* – 1922. – № 221.
18. *Коммунист.* – 1922. – № 232.
19. *Коммунист.* – 1922. – № 234.
20. *Коммунист.* – 1922. – № 236.
21. *Коммунист.* – 1922. – № 237.
22. *Коммунист.* – 1922. – № 238.
23. *Коммунист.* – 1922. – № 239.
24. *Коммунист.* – 1922. – № 240.
25. *Коммунист.* – 1922. – № 242.
26. *Коммунист.* – 1922. – № 243.
27. *Коммунист.* – 1922. – № 244.
28. *Коммунист.* – 1922. – № 245.
29. *Крестьянин* за тобой слово // *Коммунист.* – № 82. – 1922.
30. *Патриарх* Тихон и история Русской Церковной смуты / сост. М.Е. Губонин. – СПб. : Сатис, 1994. – Кн. 1. – 446 с.
31. *Святая* простота // *Коммунист.* – 1922. – № 60.
32. *Церковь* и голодающие // *Коммунист.* – 1922. – № 61.

**ПОДЪЕМ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ПЕЧАТИ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД (на материалах Калмыцкой АССР)**

В.А. Стоянов
(Росня, г. Элиста)

В статье кратко изложена история становления и начала динамического развития полиграфической промышленности Калмыкии. Отражается сложный путь ее прогресса, что было характерным для многих автономных образований страны.

Ключевые слова: *типография, книгоиздание, материальная база, образование, культура.*

The article is summarized history of formation and dynamic start development press industry of Kalmyk republic. The article is an attempt to reflect the hard way of progress. It was characteristic for many autonomous communities of Russian Federation.

Key words: *printing house, publishing, material base, education, culture.*

В калмыцкой историографии исследований, посвященных вопросам развития в республике книгоиздания, периодической печати и полиграфии, практически нет. Освещается в некоторых печатных трудах широкий круг проблем культурного строительства в республике, но лишь косвенно затрагиваются вопросы книгоиздательского дела и периодической печати. Общеизвестно, что печать в общеупотребительном значении – это книгоиздание, пресса, полиграфия и способ распространения печатной продукции. В данной статье предпринята попытка осмысления истории